

ОТЗЫВ ПАТРИАРХА НИКОНА об Уложении царя Алексея Михайловича

*Новые материалы для истории законодательства в России
с замечаниями Вукола Ундольского*

Часть IV. Разбор «Отзыва» В. М. Ундольского.

Таков отзыв об Уложении царя Алексея Михайловича одного из замечательнейших его современников. Несмотря на великую личность Патриарха Никона, его заслуги Церкви и отечеству, не все пункты сего отзыва заслуживают подробного рассмотрения. По обширности его можно назвать разбором или рассмотрением Уложения, но, исключив из него вынужденное обстоятельствами, в которых писано *Возражение*, останется не больше как отзыв о нашем знаменитом законодательном памятнике. Как в самом Уложении некоторые статьи доселе имеют силу действующего законодательства, другие, напротив, имеют только историческое значение, так и в отзыве Патриарха Никона некоторые проекты Возражения более важны, другие замечательны только как памятник века, народа, нравов и обычаев современной эпохи и наконец взгляда на вещи самого возражателя. И по существу дела и по самим пределам статьи нет надобности входить в подробное рассмотрение, например, того, что составители Уложения, назвав суд царя и великого князя Алексея Михайловича, вовсе не думали присваивать ему суд Божий; но разумели под сим суд Гражданский, и желали сим термином отличить его от суда Церковного—духовного.¹ Перечисляя дни, когда не следует суда судить и никаких дел в приказах делать, — составитель назвал их для краткости: днем Рождества Христова, Богоявления. Из сего ни сколько не следует замечать об его неуважении к сим праздникам, тем более что в самой первой статье Уложения (приводимой и самим Патриархом Никоном) Имя Божие написано вполне: Будет кто... возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию. Более значения имеют замеча-

¹ а не то, что якобы вознеистовилися и преобидели Божию власть и Божие достояние, и Божий суд преписали на царское имя.

ния о том: какое с кого брать бесчестие по суду, за лица светские и духовные. И здесь едва ли можно доказать, что правож с лиц духовных установлен для того, «дабы никто не смел тяжбы ради Уложения никому о правде Слова Божия проповедати». Еще более имеет важность разбор тех статей XIII главы Уложения, где говорится о крестном целовании: «Еже с суда крест целовати кому самому или вместо господина человеку его». Сушая правда, что «раб, ему же повелит господин, все сотворит» и что господин мнит: не толь тяжко и безгрешно ему, понеже раб вместо его ротился и крест на роте целовал; а раб мнит: безгрешно сотворил, господина своего послушав таковую роту сотворил, и крест целовал за господина своего душу». Но равным образом несомненно и то, что это постановление не изобретено составителями Уложения, а существовало гораздо прежде, и помещено как принятый закон. Обстоятельство довольно известное изыскателям древности, почему и не считаем нужным распространяться о нем более.

Всего сильнее Патриарх Никон в своем Возражении ополчается против учреждения *Монастырского приказа*, получившего полную законную силу с издания Уложения царя Алексея Михайловича в 1649 году. Хотя огорченный Патриарх Никон и называет все вообще Уложение законами *новыми*, но в нем едва ли не одна только XIII глава и была совершенным нововведением. В своем отзыве он вообще не называет его *Соборным*, но трактует его, как составление уложенной Комиссии и в особенности первого из ее членов князя Никиты Одоевского. Не известно на чем основываясь, Патриарх Никон сказал: «И то всем ведомо, что сбор (для выслушания и утверждения Уложения) был *не по воли*, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради», — и что Уложение вовсе не было вносимо к государю. Зная правдивость Патриарха Никона, мы не решаемся и здесь отказать ему в доверии; как современник, близкий к царю, он, конечно, мог знать многое, что другим было не известно. Поэтому он не раз обращается к князю Одоевскому с такими и подобными обличениями. По вышеупомянутым правилам о Святительском суде²⁶, помещенным в Стоглаве (гл. 53—64) и напечатанным в Филаретовском Требнике, Никон был прав. «Рассмотри, богоборче князю Никито, како глаголеши, яко *слободы* Патриарши и Митропольи, и Владычни, и монастырские не есть ли *суть Божие* и мы его есмы разве тебе; не его вы есте. Не все ли от

начала бысть по Божию велению и заповеди, священническая часть Божия и достояние? Почто преминув большаго, еже есть Бога, к меньшим нисходиши и называеши Божию часть и достояние наше достояние (4 Манс. 14) и все елико име прежде на послужение мало слобод на Москве и по градом все усвоете на свои потребности. Кто же ныне нужнейшия Церкви и Архиерею послужи, т. е. стражбу и прочая потребности Церкви...»

Нет надобности входить в рассмотрение: было ли и сколько именно было присвоено церковных недвижимых имений светскими властями. Нельзя, однако же, опустить без внимания соборного определения 1667 года о Патриарших вотчинах и приписанных к новопостроенным Никоном монастырям. Возвращая Патриаршему дому, разным епархиям и монастырям разные вотчины и угодья, Собор определил: А которые вотчины великого государя жалования даны Никону монаху, и приписаны к монастырям его строения: тем *отчинам великого государя жалованья быти неизменно* (Полное собрание Законов, т. I, стр. 113).

Если по низложению Патриарха Никона царь Алексей Михайлович не захотел жалованных им вотчин взять обратно, как же допустить, чтобы тот же царь при патриаршестве Никона принадлежащие духовенству слободы на Москве и по градом усвоил на свои потребности?.. Как бы то ни было, но спустя столетие признано за благо не только Патриаршие, но и вообще все недвижимые населенные имущества перечислить из ведомства лиц духовных в заведывание светское.

За что же Святейший называет князя Одоевского богоборцем? По современным понятиям это будет не совсем справедливо, преувеличенно, некоторым может показаться даже забавно именовать богоборцем человека, назвавшего слободы Патриаршими и Митрополичьими и т. д. Чтобы постигнуть всю истину слов Никона патриарха, нужно возвыситься до уровня исторического беспристрастия и войти в понятия современников половины XVII столетия. При этом нельзя оставлять без внимания и того положения, в каком находился Патриарх Никон.

Мы видели, что, оправдывая учреждение Монастырского приказа, сам Лигарида сознаётся, что сего приказа *прежде не было*; но что царь Алексей Михайлович, любя лучший порядок, нашел необходимым, «чтоб сидел судия на своем месте и слушал бы челобитья и рассмотрял бы которы имеет и чия правда, и указ бы

чинил добрых оправдать, а виноватых смирать». Никон (по словам Лигариды) будто бы никогда сам не судил, а «держал мирских, которые судили в его приказах, и челобитные раздавал людем своего двора, и они некогда прямое кривым чинили, а кривое прямым». Напротив, мы знаем, что Никон судил и даже иногда, быть может, довольно строго. В другом месте (вопрос 23) Стрешнев обвиняет Патриарха Никона, якобы он бил (вероятно в суде и за важные преступления) и ударял, и даже в ссылку ссылал. Никон опровергает это, не отрицаясь, что в церкви иногда *вервицею*, иногда *рукою* помалу смирял бесстрашных людей²⁷, по образу Христову и по правилу святых апостол и святых отец. «А еже прямое кривым делать, а кривое прямым, я того не видал (отвечает Никон). Вижу ныне, что ты прямое кривишь, а кривое прямишь — Божественные законы ни во что полагаешь, а новые свои не сведомые святой Церкви обновлявши». Беспристрастие и бескорыстие Никона известны даже врагам его и доказаны всею его жизнью, даже в изгнании и заточении. Несмотря на вопросы по всей России о несправедливостях и притязаниях Никона, уже удаленного от дел, ничего не сыскали в его обвинение.

За сим снова обращение к Лигариде: «И паки пишешь: для чево двоеглавый орел пишется? Что он расширяется достоинством церковным и мирским. *Ответ:* Есть то правда, что царское величество расширился над Церковию чрез вся Божественный законы своим достоинством, а не законом коим любо Божиим. И надо сего точию ста, но и на самого Бога возгорде широтою орла, еже ныне издаде друком лист лета от Воплощения Сына Божия 1663, на нем же есть написан орел двоеглавый. На орле же *царь* в гордости велице зело, а свыше сего на таблице написано, еже Соломон о Христе пророчествова, то царь на себя преписа. Писание же се, гласит песней гл. 3: Дщери Сиони, изыдите и видите во царе Соломоне в венце, в нем же венча мати в день женитьбы его...

Говоря об издании орла двоеглавого, Патриарх Никон (без всякого сомнения) понимает печатное издание Библии 1663 г. (см. выше). На фронтисписе действительно изображен герб — орел двоеглавый, и с надписью вверху, приведенною Патриархом Никоном. Если здесь и не вполне удачно приспособлены тексты надписаний; или не совсем ловко на груди орла изображен портрет царя Алексея Михайловича, то в этом, конечно, виноват всего более составлявший фронтиспис художник и (ученое братство,

издававшее Библию) одобрившее его ученое братство, занимавшееся изданием Библии²⁸.

Так же мало правды и в вышеприведенном обращении Патриарха Никона к Паисию Лигариде: «Паки ответотворче пишет: Матфий Властарис толкуючи, для чево ходил царь в олтарь к тайным таинством, глаголет меж иными речьми и сия, для тово, что есть помазан от Бога, и для тово наставляют Патриархи, могут выбирать и архимариты и игумены не могут ли выбирать? О Матфее от законов святых соборных Церкви не ведаем, кто он есть».

Нет ничего удивительного, если Патриарх Никон, удалившись из Москвы в создаваемый им Воскресенский монастырь, и не знал: кто такой был и в какое время жил и, следовательно, в какой степени достоин вероятия приводимый во свидетельство Матфей Властарь. От книг и сообщества ученых удаленному патриарху трудно было найти удовлетворительные на то ответы, — и он отозвался неведением. Значит, нет никакой причины подозревать его в неискренности ответа. Между тем этот ответ едва ли не единственный, где правда на стороне Лигаридиной. Прибавим к этому, что греческий подлинник Властаревой Синтагмы в то время еще не был напечатан²⁹. Сказав это, мы вовсе не думаем утверждать, что в половине XVII века ее вовсе у нас не знали. — Нет; Синтагма Матфея Властаря издавна известна была в славянском переводе. В самом Воскресенском монастыре доселе хранится рукопись XV века (едва ли не старшая из всех доселе известных), писанная иноком Даниилом, но по повелению игумена Арсения, на 338 лл., в лист. В 1655 году она прислана была архимандриту Анании с Афона и в 1661 году положена Патриархом Никоном в Воскресенский монастырь. Другая, тоже со вкладною Патриарха Никона — это Кормчая XVII века, с Синтагмою Властаря в конце — хранится ныне в Румянцевском музее (по описанию А. Х. Востокова под № 238). В том и другом списке перевод южно-словенский, в последнем есть Указатель, составленный в 1620 году, вероятно около Польши. Кроме того, в Синодальной библиотеке есть другой перевод той же Синтагмы Властаря, составленный известным трудолюбцем (и преданным Патриарху Никону) многоученым Епифанием Славинецким. Несмотря на то, что Епифания при жизни печатно называли «мужем мудрым, искуснейшим, многоученым, в философии и

Богословии изящным дидаскалом, *искуснейшим в еллино-греческом и славянском языках*³⁰, к чести современников надобно заметить, что не все же веровали в его искусство в славянском языке. Действительно, Епифаний, как малоросс, плохо владел славянским языком, его переводы крайне темны, оттого что слишком буквальны и преисполнены диких выражений. Поэтому и перевод Властаревой Синтагмы, вскоре после смерти Епифания, исправлен был монахом Евфимием³¹. Сверх этого барон Розенкампф упоминает о переводе Синтагмы *Властаря*, сделанном якобы *Максимом Греком* и хранившемся в Архангелогородском соборе³². Все это довольно ясно показывает, в каком уважении и в каком частом употреблении была в Русской земле приводимая во свидетельство Лигаридою Синтагма, Но все это несколько еще не подтверждает верности ссылки Лигаридиной на Синтагму Властаря.

Рассмотрим внимательно: есть ли в ней то место, приводимое Паисием? По южнославянскому переводу Властаря *состава* (буквы) В глава 6: «Когда царь во святой жертвовник входит? Шестдесят и девятое шестаго Собора правило: едином убо священником рече Церковный устав святой попусти жертвовник. Древнее же Божественных отец Предание и царя за благочестие возмездие творящи и почитающи, не затворяет им еже в сей вход, яко помазанником сущем Господним. И Патриархи предлагати обычай имущим, Божественныя призыванием Троицы. Внегда убо узаконенныя точию дары Божественной трапезе принести хотят. Людином же внутренняя жертвовника входима быти, всячески отнюд отрече»³³.

Ознакомившись с содержанием сей главы по славянскому переводу Матфея Властаря, прежде всего приходит на мысль то весьма важное обстоятельство: почему Лигарида, так коротко знакомый по греческим рукописям с (неизданною в его время) Синтагмою Властаря, видя, что в ней ссылка на 69-е правило 6-го Вселенского Собора, прямо не сослался на это правило? Доказательством его короткого знакомства с Синтагмою Властаря (кроме приведенного из нее места) служит рукопись Московской Синодальной библиотеки, по каталогу Маттея № 151 (по Синодальному 150), в которой Синтагма Властарева переведена на новогреческий язык. В этой, современной Паисию, рукописи находится предисловие Лигариды к Синтагме (названной здесь

Номоканон). Не думал ли разве митрополит Газский ссылкой на неизданное в подлиннике творение придать больше важности этой цитате и возбудить уважение к своей учености? К сей последней мысли отчасти приводит его письмо к Стрешневу (представленное нами выше), в котором он так заподозревает переводчика нашего Посольского приказа. Как бы то ни было, пойдем далее, не остановимся на показании Властаря и Лигариды, рассмотрим внимательно: есть ли вышеупомянутое 69-е правило 6-го Вселенского Собора между определениями Соборными?

Между правилами 6-го Вселенского Собора, в греческом подлиннике читаем следующее постановление: ξθ': Μὴ ἐξέστω τινὶ τῶν ἀπάντιον ἐν λαϊκοῖς τελοῦντι ἔνδον ἱεροῦ εἰδιέναι θυσιαστηρίου μηδαμῶς ἐπὶ τοῦτω τῆς βασιλικῆς εἰργομένης ἐξουδίας καὶ αὐθεντίας, ἥνικα ἂν βουλευθεῖν προσάξαι δῶρα τῷ Πλάσαντι κατὰ τινα ἀρχαίωτατην παράδοσιν³⁴.

Это правило находится и в славянских переводах Кормчей. Приведем его из Сводной Кормчей по подлинному экземпляру Митрополита Макария³⁵: «Да не будет лет ни единому, от всех мирских учиненному, внутрь священного входити олтаря, никакоже царской власти и Господству от того возбраняему, егда восхощет некия дары принести Творцу, по некоему древнему обычаю». Но как Номоканон в славянских переводах известен и *не один* перевод и не одного они состава, то вслед засим у Макария положено: *то же правило инаго переводу*. Вот и это правило, оно действительно в другом переводе: «Да не лет есть никомуже от всех простых людей внутрь священного олтаря входити, никакоже о сем царстей власти возбраняемый и Господству, вегда восхощет принести дары Создавшему, по некоему древнему преданию».

Неужели же Святейший Патриарх Никон не знал, что указываемое Лигаридою (по Синтагме Властаря) правило находится и в наших славянских Кормчих? Трудно согласиться на это. Положим, что греческий текст ему был недоступен; списки же Сводной Кормчей безмерно редки, — значит легко могло статься, что она вовсе ему не встретилась. Это предположение получит всю силу доказательства, когда мы узнаем доподлинно, что ни Синодальное, ни Воскресенское, основанные им книгохранилища, не имеют Сводной Кормчей. При всем том наше мнение должно остаться во всей своей силе. Известно, что предшественник Патриарха Никона, многоуважаемый глаголемыми старообрядцами Патриарх Иосиф, между прочими (весьма неисправными)

церковными книгами напечатал: «Книгу глаголемую греческим языком Номоканон, словенским же сказаемую закона правило». Печатание этой огромной книги начато вскоре по издании Уложения, 1649 года ноября 7 дня. Окончена в следующем 1650 году июля 1 дня и выпущена (в количестве 400 экз.) при жизни Патриарха Иосифа³⁶. Одним из первых дел по вступлении Никона на патриаршеский престол было исправление Иосифовскаго издания Кормчей книги. Многие листы уничтожены и перепечатаны; немало добавлено вновь. Для чего же это сделано, когда книга уже была выпущена, — и при каких средствах совершен был пересмотр и исправления?

Послушаем, как объясняет это дело сам Патриарх Никон: «Буди ли вам, христоименитому достоянию, всем известно: яко, да союз мира церковного твердо, в душе кротости хранится, и да не будет несогласия ради распри в церковнем телеси. Сего ради многие переводы (т. е. списки) сея святыя книги Кормчий, ко свидетельству типографского дела, собрани быша; в них же едина, паче прочих, в *сущих*³⁷ правилех крепчайши. Наипаче же свидетельствова тую книгу Греческая Кормчая книга *Паисии*, патриарха Святаго града Иерусалима, яже древними писца написася, за многая лета, ему же патриарху Паисию в та времена бывшу в царствующем граде Москве. В *толкованиях* же святых правил, во всех преводах, яко друга друзей вси согласуют. И егда убо Божиею помощию святыя сия книги Кормчий в совершение приидоша, из печатного тиснения, тогда истинного ради церковного союза и согласия, и дабы не было в церкви Божий распри, *свидетельствоваю*, великий господин, Божиею милостию, святейший *Никон*, Патриарх царствующаго града Москвы и всея Великия Руси, со своими, о Святем Дусе, сынови и сослужебники, с преосвященными митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены: и, яже в неисправлении погрешена быша, сия вся исправльше, во едино согласие вся сочеташа...»

После уже сего, т. е. по сличении Кормчей с греческим подлинником и разными славянскими списками, и по соборном рассмотрении и одобрении всего духовенства, она выпущена в свет 1653 года Июня 15 дня, в числе 1200 экземпляров³⁸.

Ниже увидим, что, отправляясь в последний раз в Москву из Воскресенского монастыря, взял с собою в числе трех книг и Кормчую.

Теперь любопытно знать: есть ли и как именно читается приведенное правило в изданной патриархом Иосифом и исправленной Никоном Кормчей? Здесь по содержанию оно сходно с Зонарою, греческим подлинником и славянскими переводами; а по изложению несколько отлично от них. Сначала киноварное заглавие: *«Миряном в олтарь не входити, кроме царя»*. Затем следует текст правила: *«Токмо царь един, ин же никто же от мирских человек во очистилице да внидет»*. *Толкование*: Не достоин никомуже от всех в мирстем житии живущих, внутрь священного олтаря входити: токмо ж се, *никакоже возбранено есть, царстей власти* и Господству, сюда хочет принести дары создавшему его Богу, по некоему преданию древних отец».

Чего бы, казалось, яснее и положительнее, что по Соборным правилам (основанным на предании древних отец), царю не воспрещен вход в олтарь? Чего бы убедительнее, когда Кормчая самим Никоном рассмотрена и одобрена; но он твердо стоит на своем: не отрицая входа в олтарь другим царям, воспрещает даже вход в самую церковь царю Алексею Михайловичу за то, что он якобы не сдержал своих обетов в отношении святой Церкви. *«Како же ты глаголеши: царю обирати патриархов и митрополитов, и архимаритов, и игуменов, не имеючи власти и своего обещания к Богу не сохранив ни в чем. И того ради ни входа церковного достоин, и вся дни живота своего каятися и по исходе жития своего сподобитися причащения. Откуда ты (обращается к Паисию Лигариде) такая... законы приносишь и глаголешь. В олтарь царю входитъ причащаться, емуже Божественный Златоуст на праг церковный вступати не повеле, аще царь есть клятвопреступник...»*³⁹

В чем же состояло клятвопреступление царское?

По словам Патриарха Никона, царь Алексей Михайлович «сам на ся чин святительский и власть церковную восприял чрез Божественные уставы и чрез свою клятву, еже трегубо кляся...» Конечно, и в сем отзыве опять видно недовольство Монастырским приказом, а, следовательно, есть и преувеличение. Заметно негодование на то, что исправление патриарших дел царь поручил Крутицкому митрополиту Питириму: «а ныне архиепископов, и епископов и архимаритов и попов многих сам государь избирает, а Крутицкий митрополит ставит...» Очевидно, за отсутствием Патриарха Никона надобно же было кому-либо поручить

заведывание Патриаршими делами; а как исправлявший эти обязанности не был Патриархом, то, естественно, и должен был во многом относиться к государю. Что здесь не было со стороны царя самоуправства, противного церковным законам⁴⁰, можно понять и из следующего. Сказавши, что поставление Духовных властей зависит исключительно от царской власти, Патриарх Никон в другом месте говорит: «Зде же в России не точию ко царю приходити епископом и архимаритом и монахом: но ни на двор царский прощено есть. Всим убо еретиком, Жидом, Махеметом и Лютером и Кальвином невозбранно приходити; единым точию епископом православным, и архимаритом и игуменом и монахом приход на царский двор возбранен есть...» По первому известию государь входил во все духовные дела; по последнему он не допускал даже к себе на двор епископов и архимандритов и прочее духовенство. Между тем всем иностранцам к нему был свободный доступ. Неужели же государь повелевал ставить известные лица в митрополиты и епископы нисколько не зная их, и Питирим по царскому приказу рукополагал их? Что царь Алексей Михайлович не так был строг и недоступен для духовенства, это ясно из слов самого же Никона патриарха: «Боярин же (князь Никита Иванович Одоевский) говорил Патриарху: даешь-де руку свою целовать всяким людем *по-царски*⁴¹. И то-де худо ты делаешь. И Патриарх говорил: кто тебе про то велел говорить? Государь ли царь, или ты сам о себе? И боярин сказал: мне-де велел государь говорить. И Патриарх: *да почто царь сам попова руки целует, которые нами посвящены, и ко благословению приходяи сам главу свою преклоняет?*»... Значит, по словам самого Патриарха Никона, царь Алексей Михайлович не был недоступен для духовного чина, но, не взирая на свое царское достоинство, как христианин, весьма был уважителен к духовным лицам. Но не один Монастырский приказ не нравился Патриарху Никону в Уложенной книге.

Главная тема или цель Возражения была показать *разорение патриаршеских дел*. Посему, не упоминая об Уложении, он нередко ополчается против него. Известно, что даже после Уложения Патриарх пользовался уважением почти беспредельным, его власть почти равнялась власти царской. Уложением постановлено, чтобы ни Патриарх, ни все прочее духовенство не имело права приобретать *недвижимых имений*, ни покупкою, ни закладом, ни по, духовному завещанию. И впредь с нынешнего Уложения

Патриарху и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и в монастыри ни у кого родовых, и выслуженных, и купленных вотчин не покупать и в заклад не иметь, и за собою не держать, и по душам в вечный поминок не иметь ни которыми делы, и в Поместном приказе за Патриархом и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри таких вотчин не записывать, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати. А кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давати, а дати в монастырь родителем их деньги, чего та вотчина стоит или что умерший вотчине цену напишет в духовной. А будет родители тоя вотчины себе взяти не похотят, и денег в монастырь не заплатят, и ту вотчину приказчикам продать сторонним людем, а деньги дать в монастырь по умершаго душе по духовной. А будет кто с сего Уложения вотчину свою родовую или выслуженную, или купленную продаст или заложит, или по душе отдаст Патриарху или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в который монастырь, и та вотчина взять на государя безденежно и отдать в роздачу челобитчиком, кто о той вотчине государю учнет бити челом» (Уложения, XVII, 42). Не без намерения привели мы такую длинную выписку из печатного, следовательно, всем доступного источника. Нам и по любви, и по обязанностям службы приходилось пересматривать большую часть (из 15 почти тысяч) Грамот бывшей Коллегии Экономии. Несмотря на постановления Судебника царя Ивана Васильевича 1550 г. (ст. 122, 123, 128, 130, 131, 160), не взирая на определения знаменитого Стоглавого Собора 1551 г. (после которого все вотчинные грамоты и акты были переписаны вновь), монастыри продолжали укреплять за собой недвижимые имущества. С 1649 года, после издания приведенной статьи Уложения, где так подробно, ясно и отдельно изложены и проницательно предусмотрены все случаи, нельзя было (приписка сверху: прибегать к прежним хитростям) путь к укреплению недвижимых имений прегражден. Этим объясняется следующее место Возражения: «А о себе не изволил великий государь праведно рассмотреть: колко у святой велицей церкви Пресвятыя Богородицы (т. е. у Патриаршей соборной Успенской церкви?) поймал отчин, людей и прочих всех домовных потреб, хлеба, рыбы, денег, лошадей и прочих потреб, вместо великого дароношения за помазание на царство? Такожде и от прочих

святых церквей и монастырей поймано елико отчин и людей, и денег, и хлеба, и лошадей, и кто то может исчислить? А ему, великому государю, святая великая Соборная и апостольская Церковь и прочия святая церкви и святая монастыри ничем неповинны и никакими данми, разве по завещанию святых апостол молитвою и честию». Под влиянием тех же статей Уложения о неприобретении духовенством вотчин написаны и следующие строки Никонова Возражения.

Приводим их тем охотнее, что они живо характеризуют нравы и обычаи в половине XVII столетия, давным-давно оставленные и забытые: «А на ево государя мати его святая великая Соборная церковь, которая породила водою и Духом, и хрисмою на царство помаза, обидима плачет, яко сирота последняя и яко вдова... прося отмщения присно пристоя у двора его. Он же государь, не точию не мстит, но и соблаговоляет,.. сам же вся сущия ея вещи в дом свой посилова⁴², еже чада церковная и нищия питаешся, злым человеком емля: соколником и псарям и прочим неблагодарным злодеем, иже угодная ему творят, якоже и при Патриарсем, елико нужнейших на церковный обиход и на нищих потребу изобиловаше, малые останки, к нему же в руке отхождаху. Сим образом устав положен, не вем по каким законом, еже празднуючи Патриарси Успения Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Присно Девы Марии и в неделю Вайя и преставление святаго Петра, митрополита Московского и всея России чудотворца, и в таковыя три праздники призывается от Патриарха и от всего Священного Собора царь и со всем синклитом на праздники. И по совершении святаго праздника, зовет Патриарх царя хлеба есть, и по ядении хлеба подносит Патриарх царю великие дары от остатков церковных вещей. И царь приемлет те дары, отсылает в свою царскую казну. И в том все (?) останки церковных оброков скончаваются от года до года. А лепо бы было на таковыя три праздники самому царю, и царице, и царевичем, и царевнам, и князем, и бояром, и всем вельможам, и всем людем приносить дары... И по совершении Литургии у Патриарха напитавшися довольно и приемше дары отходят в дома своя радующися и веселящися ничтоже благо пред Господом сотворше, или дары принесше; но сами аки оброк вземше от Божественного наследия. Кого таковии не щадят, Бога не щадяще и достояние Господне? И глаголют: Патриарх сим и сим благословил сего и оного. А Патриарх со всякою нуждею, аки оброчник покупает

драгою ценою у сего и оного; а неблагодарнии людие, ведая обычное Патриарху к празднику пристроение, сугубые и трегубые цены емлют за серебряные сосуды, за соболи и за золотые бархаты и отласы, и за камни и за прочие потребы. И почто таковым и в храм Божий приходити? Сами не приносят ничтоже, но и собранное истощают. И слышано есть выше сего колико зло есть обида. А се ли не обида? Ей обида и не мала Святей Церкви. Понеже от боязни и страха не может сего Патриарх преложить, аки Божия устава или обета... (л. 860).

Этот обычай дарить царя, царствующий дом и царский синклит три раза в год, вероятно, введен патриархом Филаретом Никитичем. Он, как родитель царский и русский первосвятитель (несмотря на погром междуцарствия), конечно, располагал большими средствами, чем предшествовавшие ему Патриархи. По актам неизвестно, чтобы он был оставлен со времени патриаршества Никона. Нельзя также утвердительно сказать и того, чтобы он так был обременителен для казны патриаршеской (хотя, как известно, разрешения приобретать недвижимые имущества духовным и не последовало). Лучшим доказательством, что финансовая система Всероссийской Патриархии не была в расстройстве, служит Патриаршая Ризница⁴³. И доселе (несмотря на некоторые утраты) богатством своим она удивляет и соотечественников, и иностранцев.

Огорчение Патриарха Никона, усиленное происками врагов, доходило до крайности. Этим, конечно, объясняются те места Возражения, где он доказывает на основании слов Священного Писания: *меньшее от болюаго благословляется*, что священство царства преболе есть, что царь не может быти глава Церкви. Излагая это несколько раз в своей книге, в одном месте (как бы чувствуя, что зашел слишком далеко) оговаривается: «Сия же глаголю, не царя укоряючи, но иже возношением и яростию пияны, да навикнеши, яко Священство царства болюа есть»⁴⁴. Из любви к правде, мы не оставили без внимания и этих мест, не в обличение злощастному Патриарху, но в доказательство, что и самые высокие души иногда не свободны бывают от высокоумия, неприличного христианину вообще, особливо же первосвятителю.

Как бы в опровержение выходок озлобленного Патриарха Всероссийского, в мае 1663 года Вселенские Патриархи прислали ответы на 25 вопросов, доказывая, что царская власть беспредельна

— *царь есть господь всех*, — а Патриаршая ограничена⁴⁵. Здесь всего приличнее повторить слова самого Никона: «*подобает комуждо своя мера знати; а не совосхищатися на несущая своя*» (см. примечание 42). Изо всего Возражения видно, что Патриарх Никон причину царского гнева приписывал советуящим на него злое. Нельзя не пожалеть об участи такого иерарха, каков был Никон, а вместе и о том, что его замечания на Уложенную книгу писаны были не прежде его несчастья. Нет сомнения, что они явились бы совершенно в ином виде. Тогда его зоркий глаз открыл бы другие нужды народные, или не совсем понятые, или вовсе опущенные составителями Уложения. Как ни совершенно оно и как ни замечательно для первого опыта, но, подобно всякому делу рук человеческих, не могло быть без недостатков. Вообще, если что можно не совсем одобрить в Уложенной книге, так именно: смешение гражданских законов, на которое так строго восставал возражавший Стрешневу и Лигариде. Последний слывет у нас за человека опытного в казуистике и Церковном законоведении: ответы Стрешневу и самые вопросы (конечно, Лигаридою же писанные) обличают в нем человека более знакомого с светскою, чем с духовною литературою греческою, особенно с мифологиєю, в чем неоднократно упрекал его Патриарх Никон, и почти всегда справедливо.

Теперь любопытно знать: принят ли был к соображению царем-законодателем отзыв Патриарха Никона об Уложении. Еще в прошлом столетии некоторые с Г. Бакмейстером утверждали, что самым первым поводом и главною причиною неудовольствия между царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Никоном была XIII глава Уложения, о Монастырском приказе, для сужения всего духовенства, против коего Никон восставал, утверждая, что духовные и должны быть судимы только духовными. Но едва ли это можно признать за истину, как всякий легко убедится из следующих соображений.

Мы знаем, что вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигариды составлены 15 августа 1661 года. Когда же писано возражение на них Патриархом Никоном? Много спустя после. Здесь уже упоминается (как мы видели) об орле двоеглавом, изданном на фронтисписе Московской Библии в 1663 году (декабря 12 дня), но и прежде 13 генваря 1665 года, поелику здесь ни разу не упомянуто о приезде чудовского архимандрита Иоакима с дьяконом Дементием

Башмаковым для изыскания по делу Зюзина (см. примечание 53). Так описывает Шушерин последний въезд Патриарха Никона в Москву: «По правиле же повелевает взяти с собою книг к Москве: *Правила* святых апостол и святых отец (т. е. Кормчую), *Псалтирь* со возследованием и *книгу* на тридесять вопросов боярина Симеона Лукиановича Стрешнева, и на ответы Газского митрополита Паисия *о разорении Патриарших* дел. Иного же ничтоже повеле, токмо един крест, сяк бы пред ним нести». Ни из жития Шушерина, ни из актов соборных, ни из других памятников не известно, чтобы Возражения Патриарха Никона рассматриваемы были на Соборе. Да и по самому содержанию Возражения и по резкому его тону заметно, что оно не было в виду у обвинителей Никона. Иначе некоторые вины, здесь основательно и документально опровергнутые, не были бы поставлены ему в обвинение. С другой стороны, многие места, где Патриарх Никон восстает против духовных и светских властей, легко могли дать повод отцам Собора к новым обвинениям, которые они изыскивали с таким старанием⁴⁶. Но неужели же отзыв такого человека, как Патриарх Никон, человека необыкновенного, бывшего полным выражением своего века, и впоследствии оставлен без внимания? Неужели русские люди и само правительство так были равнодушны к улучшению своего законодательства?

На деле видим совершенно противное. С первых же месяцев по издании Уложения оно дополняемо было разными новыми узаконениями, из коих некоторые тогда же были напечатаны. Замечательнее всего в этом деле то обстоятельство, что те же самые Патриархи, осудившие Никона, не более, как через полгода (июня 17 дня), на Соборе, между прочим, постановили следующее: «О Духовном Судии: Советовахом убо с братом нашим Святейшим Кир Иоасафом, патриархом Московским и всея России, и со всем священным Собором быти духовному человеку, сиреч архимандриту со другими искусными мужи во Патриаршем дому, в духовных делах судити и рассуждати духовные лица, сиреч священнического и монашеского чина, — яко да не вовлачают отныне священников и монахов в мирские судилища, ниже да судят мирские люди освященного монашеского чина и всякого церковного причта, якоже запрещают Святые правила святых апостол и святых отец четвертого Святого Вселенского Собора иже в Халкидоне, правило 9, и Святого Поместного Собора, иже в

Карфагене, правило 15, и законы благочестивых царей подобие в Книге законне Иустиниана царя, гл. 58, 74, 87, и царя Мануила Комнина, гл. 62, и прочих». Значит, отцы Собора, не упомянув о Никоне и ненавистном ему Монастырском приказе, ни об Уложенной книге, подтвердили все представления Патриарха Никона по сему предмету, с следующими дополнениями: «Такожде повелеваем и во всех Архиерейских домех быти духовным искуснейшим мужем, судити духовные лица и духовные дела, якоже и в Патриаршем дому, духовный же судия, сиреч архимандрит с клеветы да судят архимандритов, игуменов, монахов, протопопов, попов, диаконов и всех церковных причетников и инокинь, о всяких делех. И от мирских: аще кто в кровосмешение брака впадет, сиреч в незаконные браки, иже от сродства и подобные сим, да истяжут по священным правилам; и заветы, сиреч духовные, яже при смерти бывают, да свидетельствуют. Прочие же духовные дела, яже бывают между мирскими людьми мужеского и женского пола, да судит патриарший болярин с дьяками, товарищи его»⁴⁷.

Через два года по кончине царя Алексея Михайловича и почти за четыре года до смерти Патриарха Никона 19 декабря 1677 года царь Феодор Алексеевич именным указом повелел: «...а впредь Монастырскому приказу не быть»⁴⁸.

При всестороннем рассмотрении отзыва Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича нельзя не остановиться и не обратить должного внимания на замечательное для истории нашего законодательства обстоятельство, из которого открывается главное действующее лицо при издании Уложения.

За совершенным недостатком письменного делопроизводства по составлению Уложения нельзя с достоверностью определить, кто из членов Уложенной Комиссии более всех содействовал и скорейшему и возможно успешнейшему его окончанию. Их было пятеро: бояре князь Никита Иванович Одоевский и князь Семен Васильевич Прозоровский, окольничий князь Феодор Феодорович Волконский и дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов. Не нами первыми поднят этот любопытный историко-юридический вопрос. В тридцатых годах вопреки господам Булгарину и Дегаю, утверждавшим, что дьяк Грибоедов был не русский, а поляк, вызванный для составления Уложения, как опытный законовед, — издатель «Телеграфа» Н. А. Полевой доказал неоспоримо, что

Грибоедов за 10 лет до составления служил в России, да и прозвание Грибоедов чисто русское («Телеграф», 1831 г., № XIV, стр. 275). Но, в свою очередь, и г. Полевой допустил, по нашему мнению, не менее важную ошибку, утверждая без всяких доказательств, что при составления Уложения князя Одоевский, Прозоровский и Волконский «только сидели и толковали, а всё делали и писали Леонтьев и Грибоедов». Еще г. Владимир Строев в своем историко-юридическом исследовании Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году⁴⁹, основываясь на отзыве об Одоевском современного поляка, весьма строгого к другим боярам русским, равно и на том, что за труды по Уложению км. Волконский пожалован из окольных в бояре и, наконец, принимая в соображение то обстоятельство, что подлинный проект Уложения (хранящийся в Московской Оружейной палате) писан тремя разными почерками⁵⁰, — доказывал, что нельзя отнимать чести составления Уложения у князей Одоевского, Прозоровского и Волконского только потому, что они князя. Это как нельзя лучше подтверждается вышеприведенным отзывом Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. Современник, весьма близкий к царю, конечно, лучше всякого другого мог знать главных действующих и составителей сего Законодательного памятника. Одной из самых неприятных для Патриарха Никона новостей в Уложении царя Алексея Михайловича, как мы видели, было учреждение Монастырского приказа. Ополчаясь всею силою против ненавистного ему приказа, Никон обращается не к царю, не к Стрешневу и Лигариде, но к Одоевскому, называя его то суемудрым, то даже богоборцем. Значит, Патриарх Никон в князе Одоевском видел главное орудие и главную причину учреждения Монастырского приказа. В чем же было богоборчество князя Никиты Одоевского? В том, что он (как видели) осмелился называть недвижимые имения духовных властей не прямо Божиими, а Патриаршими, митрополичьими, владычными и монастырскими. «Почто преминув болшаго (возражает князю Одоевскому Патриарх Никон) к меньшим нисходиши и называвши Божию часть и достояние наше достояние?» Нужно ли оправдывать князя Одоевского? Конечно, нет никакой надобности. Нельзя не заметить одного, что эти слова обращены не прямо к Одоевскому; разгневанный Никон метит на 2-ю и 3-ю статьи XIII главы Соборного Уложения, особливо когда говорит: где ты, суемудре,

такое бесчиние изобрел, еже судити мирскому человеку священного чину Патриарха или митрополитов и архиепископов, и епископов, и архимаритов, и игуменов, и попов, и дьяконов, и прочих причетников и вместо веры и жребья допрашивать Патриарху или митрополиту, или архиепископу и епископу священного чину по священству, а иноков по иноческому обещанию. Неподобно овце пастырю указывать, но паче слушать». Если, по словам Патриарха Никона, верно, что князь Одоевский *изобрел*: «судити мирскому человеку священного чину», то не менее верно и то, что не одним же этим изобретением ограничивалось участие Одоевского при составлении Уложения. Неужели одну XIII главу он внимательнее прочих слушал, особенно ею был занят, оставя прочие, более важные, без внимания и *изобретения*? Одною враждою Патриарха Никона против князя Одоевского, конечно, нельзя объяснить такого обращения к нему именно, а не к кому-либо другому при таком строгом разборе Уложенной книги. Значит, князь Н. И. Одоевский был первым при составлении Уложения не по имени только, но первенствовал и на самом деле.

Всех более укорял Патриарх Никон Паисия Лигариду, и опыт доказал на деле, каков был этот Паисий эмиссарий⁵¹. Но и с ним не желал враждовать Патриарх Никон. Прочитав его ответы на вопросы Стрешнева, Никон сначала почел, что большая часть неправды и явных придинок писана Лигаридою по недоразумению, как недавно прибывшим в Москву и, следовательно, не знакомым с настоящим положением дела. Поэтому, посылая ему милостивое благословение, Патриарх объяснял: «Что и каково от начала учинилось, для познания, что в терпениях, безо всяких притч учиненных тогда, от начала содеялося» (см. Приложение I). Изложив всё подробно, Патриарх просит молить Бога о его здоровье, «понеже самы в болшей кручине и болезни, которых есть притча митрополита Крутицкого некоторой злой диак (по указу его) тайно нечто смертного дал нам пить, чтобы мы умерли». В заключение изъявляет сожаление о книгах, которые «заперты лежат безпожиточно, для которых набытия (приобретения) не была царская воля, но наше радение». Лигарида извещал царя Алексея Михайловича (собственноручным письмом от 7 июня 1663 года) о распространившемся слухе, что хотят убить Патриарха Никона, и просил дозволения пользоваться греческими рукописями. Но не

только не ходатайствовал за Патриарха, напротив, и скрытно, и даже явно вредил ему⁵². Видя, что враги его не перестают злобствовать и возмущать кроткого царя, и потеряв всякую надежду на примирение (особливо после вызова его в Москву боярином Зюзиным), Патриарх Никон 14 января 1665 года послал к царю Алексею Михайловичу ответные тетради с чудовским архимандритом Иоакимом и дьяком Дементием Башмаковым⁵³. В этих тетрадях соглашался (без суда Вселенских Патриархов) «впредь на Москве Патриархом не быть и в Патриаршее ни во что не вступаться, и положил на волю Божию и на повеление его, великого государя, и на освященный Собор, кого они Патриархом изберут и поставят». Московским и всея России Патриархом не именоваться... и заседати под настоящим Патриархом, превыше митрополитов... Всего замечательнее в сем акте (не имевшем никакого последствия) то обстоятельство, что Никон, оставляя всё, кроме созданных им монастырей, всех разрешал от клятвы и преподавал благословение: «А что в отшествиях своих...» (далее зачеркнуто).

Постоянно слыша, что царь посылал ко Вселенским патриархам грамоты о распре с патриархом, в следующем 1666 году Никон вздумал⁵⁴ известить о своем деле Константинопольского патриарха Дионисия, но эта грамота (писанная на греческом языке) перехвачена была в Киеве и доставлена государю (Приложение III). Впоследствии она была одною из главнейших причин осуждения Патриарха Никона. Не столько между современниками его, сколько между нашими есть немало людей, отрицающих все (в том числе и умственные) достоинства в Никоне. В припадке злобы они могут усомниться в подлинности Возражения. Лучшим опровержением может служить следующее место этой грамоты: «А приказал царское величество всю Патриархию ведать во всех Патриаршеских делах Крутицкому митрополиту, и нас спрашиватца не велел себя о всяких Архиерейских и духовных делах. Да у него ж великого государя сделан *приказ*, а назван *Монастырским*, а по его царскому величеству в этом приказе велено давать суд на Патриарха и на митрополитов, и на архиепископов и епископов, и на весь священный чин. А посажены в нем судии мирские люди, а от духовного чину никого нет, и в нем судят по его царскому величеству во всяких церковных и монастырских движимых и

недвижимых вещей, и в Уложенной книге написано. А та книга сделана в его царство, а Святым божественным Евангельским заповедом с правилом святых апостол и святых отец и царским законом греческих царей во всем противна, и ныне судят и указывают по ней, и почитают по ней, и почитают ю паче Христова Евангелия... (выписано предисловие из Уложения). А яже суть в самой книге, ни единыя Божественный заповеди не вписано и святых апостол, и святых отец правил, и царских законов, но всё противно и ложно, и всё на Святую Церковь и на освященный чин. В той же книге в 10 главе написана статья 1: Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа России, а не от Божественных заповедей и правил святых апостол и святых отец, и царских законов греческих царей. А в 13 главе 1 статья: Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа России по челобитью столников и стряпчих, и дворян московских и городовых дворян... указал Монастырскому приказу быть особно (приведена вся статья до конца). А посажены в том приказе судить мирские люда, а от духовного чину никого нет. Прочее же о незаконной той книге, яже суть в ней писано, невозможно zde и списати за множество. И о той проклятой книге нами множество царскому величеству говорили есмы да погубит ю и да держится Божественных законов и священного Евангелия заповеди и правила святых апостол и святых отец, и царских законов древних благочестивых царей. И по Священным правилам святых апостол и святых отец священного чина митрополитов и архиепископов, и епископов, архимандритов и игуменов, попов и диаконов, и весь церковный причет да не судят мирстия люди и на суд нуждею пред мирских судей да не привлекают. И сего ради от всех возненавиден есмь без правды. Не единою и дважды, но многажды хотели и убить, занеже помощь Божию ищем и держим во всем неразлучно греческого закона предание...

Собор 1667 года, осудивший Патриарха Никона, ставил ему в вину сочинение сей грамоты. Обвиняемый не отрицал, что она им писана. Какого же лучше доказательства, что сочинитель Возражения и грамоты одно и то же лицо. В обоих один дух, одни и те же мысли и даже выражения. Как лицо духовное Никон разбирал в Уложенной книге только предметы, касающиеся духовенства. Он не хотел братья за чужое дело...

В короткое время своего патриаршества Никон оставил по себе незабвенную память исправлением Богослужебных книг. Примерная ревность его к просвещению ознаменована беспримерным памятником: всеми греческими и большею частью славянских рукописей Патриаршего книгохранилища. *О книгах... не была царская воля, но наше радение* — извещал он ученого Лигариду (Приложение I). Станете ли вы рассматривать богатейшие вещи Патриаршей Ризницы, обратитесь ли к памятникам зодчества, от Патриаршего дома до монастырей Иверского и Ново-Иерусалимского с монументальным (доселе единственным, несмотря на скудость и разнохарактерность украшения) храмом Воскресения, — везде увидите гений Никона. Самое Возражение, писанное не в спокойном расположении духа, — огорчеваяся от великия кручины — не ясно ли доказывает, что Никон имел способности необыкновенные, обладал обширным знанием Священного Писания, Соборных правил, Писаний святоотеческих — и ко всему этому, при отличной памяти, был находчив до невероятности.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

²⁶ Эти правила о Святительском суде перепечатаны у барона Розенкампа в Обзрении Кормчей, в 1-м изд. М., 1829 и во 2-м (весьма редком) СПб., 1839, 4, стр. 161—172, первого счета.

²⁷ Глаголеша, совопросниче: подобает ли Архиерею *бить и ударить и в ссылку сослать?* То все чинил Никон, и не мог ся насытить мирскими людьми и духовным чином, всегда... Кто ти сказывает *о мечи, яко меч имамы?* Ни совопросник тебе о сем что любо вопрошал. Сам ли ты лжешь, или инии тебе рекоша, яко меч имамы, и тем отмщаем? Укажи: кому мечем отмстили о чем любо?.. А еже в Церкви смиряли мы овогда *вервицею, а иногда рукою помалу,* того не отрицаемся и ныне творити врагом и бесстрашным людем, по образу Христову, и по правилу святых апостол и святых отец...

²⁸ Описание этой Библии (не редкой и в наше время) см. у г. Строева в описи старопечатных книг гр. Ф. А. Толстова, М., 1829, 8, № 133. В ней текст перепечатан Острожский; на полях сделано *довольно поправок*, кроме означенных в предисловии. На заглавном листе *план* города *Москвы*.

²⁹ Синтагма *Властаря* напечатана была в первый раз Беверегием в его Synodicon, Siue pandectae canonum apostolicorum et conciliorum ab ecclesia Graeca receptorum, gr. et lat. Oxonii, 1672, 2 vol. gr. in fol. Властарь помещен во втором отделе 2-го тома, стр. 1—272. Сравни Фабр. Bibl. Graeca XI, 588, ed. Hart.

³⁰ См. *Григория Богослова* и других святых сочинения, в переводе Епифания *Славинецкого*, напечатано в *Москве*, 1665 г., в лист. Здесь в самом заглавии читаем: «Труды же и тщанием его великого государя богомолца, во философии и богословии изящного дидаскала (на поле: *учителя*) и искуснейшего во еллино-греческом и славенском диалектах, пречестнаго отца, господина иеромонаха *Епифания*. Киевския страны, обитающаго в его государевы богомолий, в царствующем и преименитом граде *Москве*, в велицей и чудотворней обители, верховного во ангелех, архистратига Божия *Михаила* и великого архиереа Божия *Алексия* митрополита Киевского и Московского и всея России чудотворца, зовомыя *Чюдов*, преведены из печатных книг еллино-греческого языка на славяно-российский *вново*, в лето от создания мира семь тысяч 164; а от воплощения Слова Божия 1656». Перевод *Властаря*, сделанный *Славинецким*, хранится в Синодальной библиотеке №№ 155, 231 и 228 (в трех списках).

³¹ С поправками монаха *Евфимия* там же под № 226, стр. 2529—3081.

³² Обзрение Кормчей изд. 1-е (И. М. Снегирева) М., 1829, 8, в указанном сочинении стр. 183; во 2-м издании, СПб., 1839, 4, в конце книги, то же в Указателе, стр. 11, № 62. Издатель (В. Г. Анастасевич) оба Розенкамповы указателя соединил в один, статьи переметил цифрами.

³³ Привожу это место по прекрасному (хотя и не так древнему) списку моей библиотеки № 41. Почерк, бумага, формат и даже переплет соответствуют важности содержания синтагмы *Властаревой*. Слич:

Рукописи И. Н. *Царского*, разобранные и описанные И. М. Строевым, Москва, 1848, 8, № 216.

³⁴ См. Γερον αγιον Συνοδων της καθολικης Εκκλησιας, νεα και διαψιλεσα συλλογη. πονω τον Σπυριδωνος μηλια. Parisiis, 1761, 2 vol f. Приведенное правило заимствовано из тома 2, стр. 693. Оно буквально читается в книге правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец, изд. 1, СПб., 1839, 2, стр. 112, с след. переводом: Никому из всех, принадлежащих к разряду мирян, да не будет позволено входить внутрь священного олтаря. Но, по некоему древнейшему преданию, отнюдь не возбраняется сие власти и достоинству царскому, когда восхощет принести дары Творцу.

³⁵ См. выше примечание 3.

³⁶ См. Опись старопечатных книг купца И. *Царского*, составленную И. М. Строевым, Москва, 1836, 8, № 168.

³⁷ «В сущих правилех», т. е. в *тексте* (τεξтуς — και μενον) правил.

³⁸ См. *Царского* Описание старопечатных книг, № 169; здесь показаны исправления, сделанные Патриархом Никоном, вернее, чем у митрополита Евгения в Словаре Историческом писателей духовного чина, I, 316, и в обзрении Кормчей барона Розенкампа. Сличы Верха «Царствование царя Алексея Михайловича». СПб., 1831, 8, ч. 2, стр. 58—60.

³⁹ «А еже ты глаголеши: для того царь ходил в олтарь, что помазан от Бога. И то ты солгал: помазан есть чрез архиерея на царство. И таковых мы правил не обретаем», говорит Патриарх Никон Лигариде.

⁴⁰ «Ты глаголеши, совопросниче: тишайший государь наш и всесчастливый царь вручил Никону, чтоб досматривал *судов* (судеб) церковных. И се есть, что подарил его всеми *привилеи*, которые велми почитаючи Константин Великий папу Римского Силвестра, вручил ему папе. Также и Никону на писме подал многая привилеи государь царь... Которую мне царь дал, еда сию? Ни, но похитил, якоже ты свидетельствуешь и вся дела его — беззаконная. Что же дела его? Церковию обладать, священными вещми богатиться и питается, славится в них, яко вси церковницы: митрополиты, архиепископы и епископы, священницы и вси причетницы покаряются, работают, оброки дают, воюют, судом и пошлинами владеет. Мы же такового привилея не точию не приемлем, но и гнушаемся и бегаем, яко змиина лютия»... А еже мнит царь, яко добро творит, владея и повелевая во священных уставах: не чюдися, что Бог терпит, на большее и лютейшее отмщение...

⁴¹ Мы тому чудимся: почто царь Архиереом, иереом нудит руки своя целовать, не сущь Архиерей ни иерей. Аще и ему государю (за премногую его гордость) мнится священство меньше царства: познает тогда различие царства и священства, егда познани будем от нелицемернаго судии Христа Бога нашего...

⁴² И елико он, великий государь царь, поелику возможно, пребывал в своем обещании, повинуюсь святой Церкви, и мы терпели.

«Глаголет: большое царское есть радение церковное. Откуда ты такой

гнилой глагол взял, еже царем церковное правити. Потому глаголеши, что никогда не укрепляются дела царския, покамест не укрепятся дела матери его Церкви Божией»... Подобаает комуждо своя мера знати, а не совосхищаться на несущая своя, ниже строение Церкви, но паче гонение». «Ныне ничтоже в дар ко святому олтарю великий государь царь и бояре приносят, якоже Господь заповеда: да не явишия Господеви своему тощ. Ниже входя в церковь имущим на них нечто оставляют, пред олтарем дар, понеже никогда ничего не приносят»... и памятуя в церковь пришед: где бы что от церкви отнять.

⁴³ По официальной переписи 1702 года, она оценена в 15 636 рублей, 17 алтын и полчетверти денги.

⁴⁴ В 20 ответе так рассуждает Патриарх Никон: «Хощеши ли навикнути, яко священство и самого царства честнейши и болши есть... между Бога и человеческого естества стоит священник, яже оттуду чести вводя нам яже от нас молбы возводя и само гневающася того ко общему примиревая естеству приразившаяся, нас изхишая из того руку. Сего ради и царие помазуются от священническую руку; а не священники от дарения руки, и самую царскую главу под священников руце принося полагает Бог, наказуя нас, яко сей онаго болши есть властник. Меншее бо от болшаго благословляется... Царь же ни есть, ни может быти глава Церкви, но яко един от уд, и сего ради ничтоже может действовати во Церкви, ниже последнего четца чин. А что ныне чрез волю Божию действует насильством, Церкви Божий насилует и вся яже их отъемлет, архиереев, архимандритов и весь священный чин судят, — имать сам судим быти от нелицемернаго судии Христа... в День Судный. Где есть Христово слово да власть имать царь над церковию?.. И сего ради священство царства преболе есть. Дивно есть: како человеколюбие Божие терпит, еже ныне не точию сам царь сан святительства на себе восприял, но и вси во власти его сущии то творят... Сия же глаголю не царя укоряючи, но иже возношением и яростию пьяны бывающая, да навикнеши, яко священство царства болши есть...

В ответе 23-м: «Митра, есть глаголеш, царское священство. Но мы уже выше сих написали, яко священство боле есть царства. Почто предваряеши царством? Увеждь в преждеписанных, яко и царие предпочтоша священство паче царства. Почто низводиши священство горé сидящее на Небеси? Не поминаеши ли хотящих обесчестити священство Дафана и Авирона, что случися тем? В 24-м ответе: «Како убо глаголеши, совопросниче, яко царь вручил Никону всяких судеб церковных. Не виде в вышенаписанных, яко не от царей началство священства приемлется, но от священства на царство помазуются. Темже явлено есть множицею, яко священство царства преболе есть... Кто чрез волю Божию восхитит что не сущее свое, якоже государь восхити Церковь и достояние ея все в свою область беззаконно. И того ради и нас ненавидит, якоже прелюбодей никогда может любити законнаго мужа, но присно помышляет о нем злое. А еже глаголеши, совопросниче, что царское величество вручил Никону, чтобы досматривал всяких судеб церковных. Что вручил егоже сам не имеет? Священство ли? но сам того не

имеет. Како может инем преподати аще сам кто не имеет... Но хошеши ли истину навикнути, яко сам той диадимою украшаяся священнической власти повинен. И егоже свяжет кто по правде на земли, будет связан на Небеси. А егоже царь свяжет временно или убьет, имать о сем ответ пред Господом Богом... а еже глаголеши, что царь вручил нам, чтоб досматривал Никон всяких судеб церковных: солгал ты, злословче. Нижэ царь нам дал что, любо власть которую, ниже мы требуем что, любо кую власть, ведая Божественные правила (яже суть выше писана). Всяк мирскою властью Церковь прием, извержется. Аще и ныне Бог терпит такому его беззаконию, что чрез Божественные уставы избирает егоже любит и ставши повелевает. Все ти избрани не от Бога и недостойни. За всех же имать ответ дати государь царь пред Господем Богом. Како может кто дати, егоже сам не имеет?..

«Царство аще и, от Бога дадеся в мир, но во гневе Божий, и се чрез священство помазуется чувственным елеом. Священства же помазание Святым Духом непосредственне... Видь ослепление умом: кто кого венчает и кто кому Божественныя и твоему привилеи дает, и како кто может дающему что дати? Аще государя царя и не аз, Никон, на царство помазал, но прежде бывший отец и брат наш святых памяти Святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Руси, егоже мы по Божественной благодати наследницы есмы.

Добро бы было аще бы и нашего царя государя отъял Господь сон забвения, якоже и от царя Артаксеркса... Помянул бы государь царь и нашу к ним государем работу, и молитвы и слезы, якоже есть ведомо им государем по два моря, и превратил свое к нам немилосердие на первую любовь, и иже советующим на мя злое сотворил бы, якоже и Аману... (См. Приложение II, в конце).

⁴⁵ Напечатано в IV томе Собрания Государственных Грамот и Договоров, № 27, стр. 84, на греческом, с русским переводом.

⁴⁶ «Согрешает ли кто, еже в славу Господу Богу с любовию созиждет храм во имя святого Воскресения, еже есть во Иерусалиме величеством и мерою и добротою, и естли новая иная нарицатися может, а не таяжде, яже суть Иерусалимская, или неподобно начал той кто любо тако творить, отвещай. И что суть множество повсюду святых Церквей, еда не таяжде Иерусалимская Церковь и святой Сион, разве иные еретические другие церкве нигдеже есть другая...» (ответ 13).

«Како ты сводиши каковыми безумными приклады, яко Антихристу изыти из Воскресенского монастыря Нового Иерусалима?.. Какоже ты глаголеши, ответотворче: дары, данные неблагодарным, назад отбираются. У ково царю назад велишь взять? Данные Богу, за многую Его милость, или хотя б и мне даны, за мою работу и труды, за что взять. Разгневався царь неправедно, а яже данные Господеви возложенные паки возвращати: «Паки пишешь: знак неблагодарного человека есть море, которое многие сладкие воды принимает, однакоже их пременяет в горкие и соленые воды. Подобно еси и нарочиту достойну притчу царского величества рекл ныне о

неблагодарении еже к Богу, яко толико того почте Бог на земли Царством всеа России. Но он ничегоже принесе Господеви и святей велицей Церкви что любо достойно, но яко сиру тую обезчести и обнажи всех добрых, яко вдову всею Божественною честью, его же Бог почте, якоже зрится от всех лишена всех благих движимых и недвижимых. А яже аще на нас приносишь притчу сию: нимало не прилестна. Аще ли о том глаголешь, яже нам царское величество за многие наши труды малое некоторое подаяние даде; недостойно его подаяние наших трудов и болезней. Но и се мы у себе ничтоже удержажом к своим похотем: но все Господеви возложихом, якоже свидетельствуют вещи»... Написа государь царь завет свой по Господу Богу и Пречистой Богородицы в Иверской монастырь (егоже есть образ выше в книге сей) и своею рукою того утверди, и златою печатью запечатле, на нейже есть образ Спаса Христа, истинного ради свидетельства того царского величества, и знак Московского Царствия и всеа России. И сия вся ни во что быша. Сам великий государь царь не хранит своего завета, и на него зря и вси людие...

«Зриши ли, ответотворче неправедный, а паче же враждотворче, како и еще и невернии царие, паче же идолопоклонники заветы не свои точию сохраняху, со опасством, но и прежде бывших их на единой тетради обретше написанное повеление о церковном ниже рукою царевою утверждено, ниже печатми запечатленно и клятвами страшными и царскими казнями устрашенно: но едина тетрадь проста, и несмь преложити якож ныне ты, враже Божий, царя нашего развращаеши и в таков велик грех вводиши. Не погрешил бы истины царь наш, аще бы Дария царя Перского закон исполнил о тебе, враже всякая правды (якоже выше есть писано), да всяк человек, преступив повеление, возмется древо от дому его и воздвигся обесится на нем. Ты же аще не имеши яко ворона дому, от негоже взятися древу, на разбойническом древе достойно тя есть повесити, Христу свидетельствующу: не входяй дверми во двор овчий, но прелазя инуде, тать есть и разбойник... Которое неблагодарение наше, что же добродетель царева? Есть ли неблагодарение наше, еже отступати от зла? Которые ли убытки от нас царь пострада? Вы еже собранное прежде нас архиереи движимые и недвижимые вещи в патриархии, без всякого страха Божия, в потребности свои, с сущими с собою царь усвоил сие, чрез Божественные законы и заповеди онасилова и поработи...

«Глаголеши убо на вопрос (3-х), яко не леть есть Архиереем украшаться в Божественной службе... Зри, совопросниче и *толковнике человекоугодный*, яко издревле уставлено есть от Бога иереем украшаться...; а еже *зерцала* ищещи устроишася в церкви до нас, прежде бывшими нас патриархи — святейшим Иовом и прочими; ниже мы разоряем, и вси тожде творят... В Соборном определении 1667 г. (Синод, библ. № 914) сказано: «зерцалом в Церкви и во олтаре не подобает быти и смотреться в них, священником и диаконом, и прочим причетником церковным, ниже чесати главы и брады в церкви, и во святом олтаре подобает, зело бо бесчинно есть и пренебрежно. В келлиах бо подобает чесати и углаждати главу и браду, а

не в церкви, ниже во олтаре, якоже сами мы видехом очима нашими некоторых таковое безчиние во святой церкви творящих. Зерцало бо священником и монахом ниже в келлии подобает имети, колми (множае) паче в церкви. Повелеваем убо отныне да и сие бесчиние престанет». См. Сборного свитка, л. 10 об., статью 18.

⁴⁷ См. Полного Собрания Российских законов, СПб., 1830, т. I, стр. 699.

⁴⁸ Там же, т. I, № 412 и Акты Археографической Экспедиции, т. IV, № 105.

⁴⁹ Оно изд. СПб., 1833, 8 и было остановлено, почему и редко. На него сделаны замечания в брошюре: Взгляд на сочинение г. Строева о Уложении царя Алексея Михайловича, или что было в 1649 году и что стало в XIX столетии. СПб., 1834, 12, на 59 стр. неким писателем из купцов *Григорием Городчаниновым*, имевшим претензии на остроумие и известные (кроме сего) и другими кое-какими литературными трудами.

⁵⁰ См. статью г. Забелина в I т. Архива г. Калачова.

⁵¹ ...«Толкуеши *νικος* по-грецки смятение; несмы же *νικος*, но совершенный *Νικωνος*, т. е. победник.» ... Не слишком церемонно поступали и с Никоном духовные власти. Таже Газской митрополит да архиепископ Астраханской говорили: полно-де тебе служить. И Патриарх говорил: не от вас приял благодать, не должен есмь в сих и послушати вас, чрез правила святых и мудрствующих. *Повелеваем-де и манатью тебе и клобук архиерейский не носити...* Высланный из Москвы в Киев, и там Лигарида писал разные доносы. См. Словарь Духовных Писателей, II, 147.

⁵² См. Собрание Государственных грамот и Договоров, т. IV, № 28, стр. 118, и Приложение I в конце настоящего изыскания.

⁵³ По рукописям известен: «Список о приезде в Воскресенский монастырь, по указу великого государя, Чюдова монастыря архимандрита Иоанникия, да думного диака Дементия Башмакова, и ответные постулаты, за рукою Святейшего Никона Патриарха, послани к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу». Он напечатан в житии Патриарха Никона архим. Аполлоса. М., 1855, 8, стр. 158—171. В моих рукописях есть тоже списки этого любопытного акта.

⁵⁴ «Нижé тайно что любо, якоже ныне послали по Святейшим Вселенским Патриархом *лазутчиков* о нашем отшествии», сказано в Возражении.